

бокой внутренней развращенности, не по врожденной или нажитой жестокости, а именно по какой то духовной слѣпотѣ, дѣлающей нашего простолюдина игрушкой случайностей и механическимъ почти орудіемъ въ рукахъ другихъ развращенныхъ людей. Эти размышленія о нравственной беззащитности нашего простолюдина отъ прираженій къ душѣ его вѣшняго зла вызваны у автора приведенной выписки на примѣръ такимъ фактомъ, что крестьянинъ служившій въ гостиницѣ убилъ забѣгаго человѣка съ цѣлью воспользоваться его деньгами, только потому, что хозяинъ гостиницы надумилъ его: „дуракъ будешь, если не убьешь“. И деньги найденны у убитаго убійца отдалъ своему же хозяину, самъ получивъ отъ него только лишь нѣсколько мелочи; а что замѣчательно при этомъ, такъ этого же хозяина божбой увѣрилъ, что дѣйствительно сполна принесъ ему добытыя убійствомъ деньги; слѣдовательно, для этого убійцы клятва именемъ Божиимъ продолжала быть священной; ему даже и на мысль не приходило, чтобы хозяинъ могъ не повѣрить клятвѣ человѣка, только что совершившаго убійство. Страхъ Божій, дѣлающій священной для человѣка клятву, какъ будто вовсе и не поколебался въ душѣ этого убійцы только что совершеннымъ преступленіемъ. На сколько же этотъ убійца понималъ весь ужасъ совершеннаго имъ злодѣянія? Мѣриломъ служили ему чужіе взгляды: а что говоритъ хозяинъ? онъ говоритъ, что не воспользоваться такимъ случаемъ было бы глупостью — и темный человѣкъ слушаетъ того, что ему *говорятъ умные люди*. Такъ и во всемъ темные люди слѣпо руководятся взглядами окружающей ихъ толпы; поживетъ крестьянинъ въ городѣ, посмотрится всего, что дѣлается въ разныхъ трущобахъ и вертепахъ и городскіе взгляды приносятъ въ деревню и здѣсь распространяетъ ихъ, — представляя самый убѣдительный аргументъ для невѣжественной массы: „всѣ такъ дѣлають“, — „что другіе, то и я“, — „а другіе-то что?“. Отпора вторженію этихъ чужихъ взглядовъ у темнаго человѣка не можетъ быть именно потому, что нѣтъ никакихъ своихъ взглядовъ. А религіозное воззрѣніе, скажутъ. Правда! „Грѣхъ“ — вотъ единственная форма, подъ какой существуетъ для нашего простолюдина все злое, безнравственное; но и здѣсь та бѣда, что значеніе грѣха, а потому и относительной важности грѣховъ онъ не понимаетъ; и человѣка убить грѣхъ, и браниться грѣхъ, и божиться грѣхъ, а отъ многихъ грѣховъ уберечься нельзя и —

вотъ роковое: „какъ быть-то!“ прилагается и къ божбѣ, и къ поминанію „нечистаго“, и къ брани скверными словами, и къ распутству, примѣровъ котораго онъ насмотрѣлся въ городѣ — и которое онъ на своемъ языкѣ называетъ „баловствомъ“, „глупостями“, и къ грабежу и къ убійству. Ко всему этому ободряетъ его одно разсужденіе: „не я одинъ“.

Припоминается еще одинъ случай: какъ нѣсколько молодыхъ деревенскихъ парней, чтобы добыть денегъ на гульбу, вырѣзали самымъ безчеловѣчнымъ образомъ цѣлую кибитку киргизовъ или башкиръ, по убѣжденію, что это „что за грѣхъ! у нихъ вѣдь только обликъ человѣческой, а душа-то звѣриная“. Грѣхомъ представлялось имъ только загубить душу — христіанскую, а этихъ „похристей“ они рѣзали какъ барановъ или кололи какъ волковъ. Чувство — притупилось привычкой рѣзать барановъ и колоть волковъ; а религіозность не помѣшала перерѣзать нѣсколькихъ человѣкъ, потому что не развила въ этихъ душахъ братскихъ отношеній вообще къ человѣку, а ограждала только „христіанскую душу“. Откуда они получили такіе понятія? Конечно изъ окружающей среды. Но главная бѣда была въ томъ, что внутри не оказалось ничего, что не дало бы мѣста въ душѣ наплыву этихъ понятій среды. Эта бѣда темнаго люда — бѣда и для пастыря отвѣчающаго за каждую душу. Полиѣшая безпомощность и беззащитность темныхъ людей отъ всякаго прираженія къ нимъ злаго начала ставитъ пастыря словесныхъ овецъ въ положеніе полной невозможности отвѣчать за цѣлость своего стада, какъ только выходитъ кто за ограду патриархальныхъ обычаевъ старинной русской жизни. Потому первой заботой пастыря должно быть воспитаніе новаго покрайней мѣрѣ поколѣнія, — чтобы оно не осталось на всю жизнь *младенцами по уму* (1 Кор. XIV, 20), выростая тѣломъ, которое предъявляетъ свои требованія и дѣлаетъ въ иное время изъ этихъ младенцевъ неразумныхъ животныхъ или дикихъ звѣрей. Вотъ почему для пастыря церкви — вопросъ первѣйшей важности народная школа прихода и то, кто въ ней учителемъ, какъ идетъ въ ней обученіе, достигаетъ ли школа своей цѣли — образованія и воспитанія народа.

(Продолженіе будетъ).

Изъ Балашовскаго уѣзда (Саратовской губ.).

(Замершій священникъ).

Въ нашей мѣстности недавно случилось грустное происшествіе: С. Малаго Щербодина священникъ Ни-

Никифоръ Михайловичъ Чумаевскій замерзъ, при исполненіи одной изъ необходимѣйшихъ обязанностей пастырскаго служенія. Была вьюга и свѣжнѣя мятель, такъ что зги не было видно; въ пяти сажняхъ нельзя было разобрать и различить предмета. Въ такую погоду явился къ покойному о. Никифору его прихожанинъ — пьяный крестьянинъ съ просьбою ѣхать къ нему въ деревню, за три версты отъ села, для напутствованія больной его матери, старухи, Священникъ, видя неминуемую опасность, два раза отказывался на отрѣзъ исполнить его просьбу, но въ третій разъ, когда крестьянинъ послѣ службы, сталъ просить его къ себѣ, съ угрозою обжаловать его дѣйствія, священникъ Чумаевскій неустоялъ въ своей твердости, и пустился въ явно пагубный путь. Возница его, разгоряченный винными парами, благополучно переѣхалъ рѣку черезъ мостъ, находящійся недалеко отъ села, пустился въ открытую степь, тотчасъ сбился съ дороги и попалъ, ниже моста на одну версту, въ ту же самую рѣку. Ледъ былъ еще тонкій. Лошадь провалилась, сани погрузились въ воду; о. Никифоръ, намочивши ноги выпрыгнулъ изъ саней, остался на одной сторонѣ рѣки, извозчикъ перебрался на другую ея сторону — и сталъ вытаскивать лошадь изъ воды. Покойный о. Никифоръ пѣшкомъ поплы по направленію къ деревнѣ, сказавъ своему спутнику, чтобы онъ по освобожденіи лошади изъ воды, догонялъ его. Но крестьянинъ едва могъ выпрячь свою лошадь, оставивъ сани въ рѣкѣ. Ведя свою лошадь въ поводу, шелъ по берегу рѣки, и только въ полвочь добрался до того села, изъ котораго выѣзжалъ. Произвели тревогу; ударили въ набатъ. На двухъ подводахъ отправились шесть чловѣкъ розыскивать священника. По указанію извозчика долго искали покойнаго вдоль берега рѣки, — громко кричали и подымали на высокихъ шестахъ зажженные пучки соломы, но безуспѣшно, почему и порѣшили, что о. Никифоръ попалъ въ одну изъ деревень, находящихся въ близкомъ разстояніи одна отъ другой, — какъ это случалось съ нимъ нѣсколько разъ и прежде, — и тамъ-де преспокойно спать. Уже утромъ, когда узнали, что священника въ деревнѣ нѣтъ, подняли на ноги всѣхъ ея жителей. Послѣдніе скоро нашли его недалеко отъ деревни въ бурьянѣ, занесеннаго снѣгомъ; видѣлась одна только рука, въ кулакѣ которой былъ зажатъ рукавъ тулупа, а подъ нимъ отпавшая отъ груди лежала въ снѣгу дарохранительница. По разсыпаннымъ въ ней крошкамъ св. даровъ можно предпо-

лагать, что покойный здѣсь приобщился св. Таинъ. Покойный о. Никифоръ былъ привезенъ въ свой домъ съ признаками жизни, но въ безсознательномъ состояніи; онъ еще сильно дышалъ и стоналъ. Бывшій въ это время въ селѣ земскій фельдшеръ велѣлъ вынести его въ горницу, гдѣ оттирали его спиртомъ; но не смотря на припята мѣры, онъ скончался чрезъ два часа послѣ внесенія въ теплую хату къ неописанному горю пятерыхъ своихъ дѣтей, оставшихся круглыми сиротами безъ отца и матери.

(Церк. Общ. Вѣст).

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Исходя изъ того факта, что „никогда еще православное духовенство такъ не обличалось, какъ въ наше время, время тревожное, загадочное, богатое новинками и нечаянностями“, что „свѣтскіе люди другъ предъ другомъ стараются сказать вѣское слово о духовествѣ, не стѣсняются критиковать его во всѣхъ отношеніяхъ“, Церковно-Общ. Вѣст. въ 4 и 5 № № за настоящій годъ въ двухъ передовыхъ статьяхъ говоритъ о *мѣрахъ къ поднятію достоинства духовенства*.

... Настаетъ пора, говорить между прочимъ газета, серьезно подумать о своемъ положеніи всему духовенству, отъ высшихъ и до низшихъ слоевъ, настаетъ пора активной дѣятельности къ поднятію самого себя, къ искорененію своихъ недостатковъ, и къ лучшему воздѣйствію на общество, въ видахъ его успокоенія и примиренія съ православной церковію. Не будетъ ложно, если скажемъ, что участь всякой церкви зависить отъ духовенства. Если вѣрно въ догматическомъ смыслѣ, что безъ священства нѣтъ церкви, то непреложно и то, что подорвать авторитетъ духовенства значить поколебать церковь, лишить ее главной опоры, основа ея жизнненности. Это общее правило хорошо знакомо всѣмъ нападающимъ и они стараются во всякомъ столкновеніи поразить руководителей прежде всего, и тогда побѣда обезпечена. Такъ равно и въ отношеніи церкви Христовой, враги религіи стараются поразить прежде всего духовенство, и тогда уснѣхъ несомнѣненъ. Современные нападки на русское православное духовенство сильны, могучи и нападающихъ весьма много. Горячая, энергическая защита теперь очень умѣтна и благовременна. Современнымъ дѣтелемъ на пивѣ Христовой слѣдуетъ теперь неуспшно насаждать сѣмена добраго, разумнаго, честнаго въ надеждѣ, что Богъ не оставитъ труда тружениковъ для славы Божіей и возраститъ посѣянное.